

4. Вывод по «клеткам развития» в соотношении с проблемой человека

Сети коммуникации и власти показывают возможности организации мест (клеток) развития и привязки модернизации к локальной культуре и типу человека. При воспитании же человека следует создавать видение сетей и мест развития у ученика заранее, дабы сделать его стремящимся к саморазвитию.

Основная проблема, на наш взгляд, состоит в том, что ищут деловых лидеров, способных управлять своими эмоциями и эмоциями подчиненных, а нужны лидеры, создающие коллективы и управляющие ими.

Философская антропология способна увидеть человека за технологическими и организационными новациями. С ее позиции видно, что развитие технологии определено типом и поведением человека. Итак, тип человека лежит в основании модернизации. Модернизация становится «видимой», при разделении сетей власти, становится понятной разность способов формирования человека в отдельно взятой культуре, ее способе модернизации, становится понятно, каким образом надо формировать активных работников в рамках данной культуры.

УДК 111.1

Науч. спец. 09.00.13

DOI: 10.36809/2309-9380-2020-28-40-44

ИНФРАУРОВНЕВОЕ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ ЛИЧНОСТНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ХРОНОТОПОЛОГИИ

В статье исследуется диалектика личностной и социальной форм пространственно-временной структуры человеческого существования в аспекте инфрауровневых явлений, сопровождающих бытие человека. Теоретическим основанием работы выступает концепция хронотопа А. А. Ухтомского и М. М. Бахтина, а методологической базой — семантический и герменевтический анализ произведений советской и российской художественной литературы и публицистики второй половины XX в. В исследовании бытие человека раскрывается как многоуровневая пространственно-временная конфигурация, структурными элементами которой выступают, в частности, личностная хронотопология (аксиологически и экзистенциально структурированный микрокосм человеческого существования) и социальная хронотопология (надиндивидуальный макрокосм), находящиеся в сложном неоднозначном взаимоотношении, негативные инфрауровневые проявления которого деформируют личностный мир и жизненный путь человека.

Ключевые слова: хронотоп, время, пространство, личность, человек.

В исследовании бытие человеческой личности будет интерпретироваться в качестве хронотопологической (пространственно-временной) структуры, что впервые было разработано и введено в научный оборот А. А. Ухтомским [1, с. 67–71] и М. М. Бахтиным [2, с. 341–503]. Выделим два возможных уровня или формы пространственно-временной

1. Манн М. Источники социальной власти : в 4 т. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н. э. М. : Дело, 2018. 760 с.

2. Николин В. В., Федяев Д. М. Техника в потоке истории: Социальные факторы развития техники. Омск — Челябинск : Изд-во ОмГПУ — Изд-во ЧГПУ, 1992. 246 с.

3. Исикава К. Японские методы управления качеством. М. : Экономика, 1988. 215 с.

4. Тоффлер А. Третья волна. М. : АСТ, 1998. 781 с.

5. Бредберри Т., Гривз Д. Эмоциональный интеллект 2.0. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2010. 192 с.

6. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М. : АСТ, 2005. 588 с.

7. Эшелоны модернизации и проблема «догоняющего развития» // *istmira.com* : [сайт]. URL: <https://www.istmira.com/novejshaya-istoriya/1474-yeshelony-modernizacii-i-problema-dogonyayushhego.html> (дата обращения: 24.10.2020).

© Николин И. В., 2020

А. В. Политов

A. V. Politov

INFRA-LEVEL IN THE RELATIONSHIP OF PERSONAL AND SOCIAL CHRONOTOPOLOGY

The article examines the dialectics of personal and social forms of the spatiotemporal structure of human existence in the aspect of infra-level phenomena that accompany human existence. The theoretical basis of the work is the concept of the chronotope by A. A. Ukhtomsky and M. M. Bakhtin, the methodological basis is the semantic and hermeneutic analysis of works of Soviet and Russian fiction and journalism of the second half of the 20th century. In the study, human existence is revealed as a multilevel spatiotemporal configuration, the structural elements of which are, in particular, personal chronotopology (axiologically and existentially structured microcosm of human existence) and social chronotopology (supra-individual macrocosm), which are in a complex ambiguous relationship, the negative infra-level manifestations of which deform personal world and life path of a person.

Keywords: chronotope, time, space, personality, human.

организации бытия человека: социальный уровень, проблематика которого разработана в русле понятия социального хронотопа и топологического философствования: [3, с. 109–114; 4, с. 147–159] и личностный уровень. Понятие пространственно-временного мира личности на данный момент исследовано преимущественно в области психо-

логических наук [5, с. 1–39]. Личностная хронотопология, с которой соотнесена также сфера когнитивной хронотопологии — микрохронотоп сознания, представляет собой монадообразную сферу существования человека, представляющего в качестве жизненного пути — временная ось и локуса — места, топоса бытия личности, где происходит, свершается, сбывается событийность бытия.

В топологию личностного хронотопа входит приватное пространство человеческого жилища, находящееся в диалектическом соотношении с публичным пространством, принадлежащим сфере социальной хронотопологии. Человек изначально образом уже оказывается разорванным между двумя топологическими координатами — частным и публичным пространством, личностным и социальным хронотопом, причем последний сводит, редуцирует личностный мир к индивидуальному миру. Разность публичного и приватного пространств — прежде всего экзистенциального рода, поскольку лежит в области антиномии подлинного и неподлинного, собственного и несобственного, отчужденного и неотчужденного; дом есть не только локация местопребывания человека, но и, по сути, единственная сфера относительной самостоятельности и свободы личности — свободы локализованной и уже потому ограниченной.

Личностный и социальный хронотопы соотносятся, соответственно, в качестве микро- и макрокосмов, микро- и макрохронотопных общностей, но личностная хронотопология не должна сводиться к индивидуальной и не обязана входить в качестве подчиненного момента в социальную хронотопологию, поскольку данные уровни пространственно-временной организации бытия в своем генезисе и функционировании подчиняются собственным, автономным диалектическим принципам и закономерностям, существенно различающимся прежде всего в экзистенциальном плане. Более того, развитие структуры социальной хронотопологии и присутствие ее в бытии личности мы склонны понимать в качестве вторичного момента и определенного модуса (стадии) становления экзистенциально-аксиологического ядра личностной хронотопологии человека. В этом приведенное в настоящей работе философско-антропологическое и экзистенциально-аксиологическое понимание теории хронотопа существенно отличается от социально-философского подхода, привыкшего оперировать не понятием личности и соответствующей широте данной категории картины мира, но понятиями индивида и субъекта, экзистенциально-аксиологически обнуленными, редуцированными.

Негативные явления, присутствующие в бытии человека, носят сложный сочетанный личностный, психологический, когнитивный, духовный, социальный, культурный характер, деформируют жизненный путь как личности, так и всего общества. Среди подобных феноменов можно отметить коллективные и индивидуальные страхи, комплексы, вину, социально и культурно обусловленные психические патологии, преимущественно носящие параноидальный и шизофренический характер, девиантное поведение, явления материально-телесного низа [6, с. 37] и т. п. Подобный комплекс отрицательных патологических явлений обозначим в качестве низшего, *инфрауровня* бытия человеческой личности. Мы должны проследить, каким образом инфра-

уровневое влияет на формирование и функционирование пространственных и временных форм человеческого существования — личностного хронотопа, микрохронотопа сознания, приватного пространства, публичного пространства, социального хронотопа, макрохронотопа культуры и т. д. Для этого обратимся к анализу произведений отечественной художественной литературы и публицистики преимущественно второй половины XX в., в которых нашло свое отражение множество инфрауровневых проявлений человеческого бытия указанного исторического периода, которые не только просто фиксировались в культуре, но и получали таким способом вторичное, обратное, распространение и влияние на современные и последующие поколения, а также на самих авторов произведений [7, с. 5–9].

Комплекс инфрауровневого формируется в человеческом существовании с самого его начала, еще с приватного пространства дома и семейного окружения, определяя в широком масштабе жизнь индивида и процесс его коммуницирования с себе подобными, и проявляет себя в дошкольных и школьных образовательных учреждениях, получает закрепление в последующем во всех жизненных сферах, полностью окружает человека в его повседневном существовании (и им же иницируется), не дает личности вырваться ни на минуту и сопровождает ее всю жизнь. Обыденное, наличное существование человека характеризуется мелочным набором дел, проблем, скучным неумолимым течением будней. Вовлекая человека в модус заботы, характеризующейся не только погружением личности в забвение дел, но и скрывающейся под маской ложной и лживой добродетели, наличное бытие старательно ретуширует инфрауровень человеческого, отсылающий к смерти, болезни, психическим и половым девиациям и т. п. Но в целом ряде мест публичного пространства, являющегося неотъемлемой составляющей социального хронотопа, инфрауровневое прорывается наружу и заявляет о себе во всеуслышание; места массового скопления людей, транзитные пункты, дворы, замкнутые помещения общего пользования (подъезды, переходы, тамбуры, площадки, кабины лифтов, чердаки, подвалы и проч.), исключенные человеком из сферы заботы и попечительства, брошенные на произвол судьбы в отчужденность и пустоту урбанизированного публичного пространства крупного города-мегаполиса, служат аренной развешивания низовых психопатологических проявлений человеческой сущности, детерминированных прежде всего окружающим пространственно-временным комплексом, в который как в локус бытия погружена личность. Отчужденность, отстраненность, экзистенциальная холодность окружающего наличного пространства впитывается личностным хронотопом, воспринимается им как данность и норма. Между человеком и окружающим его пространственно-временным комплексом происходит взаимное обеднение, опустошение. Замкнутость и ограниченность места пребывания, места жительства (сами эти обороты несут в себе печать экзистенциального забвения) трансформируется в замкнутость и ограниченность мирка человека: «Из показаний Лифтера: <...> Между вторым и четвертым этажом я остановил лифт, достал нож с зеленой ручкой и красным драконом и обнажил клинок. Показал пятна ржавчины на

лезвии и сказал, что это кровь. Добавил, что я такой же маньяк, как Чикатило» [8].

Социопсихопатологическими чертами обладают не только отдельные личности, подвергшиеся деструктурирующему воздействию страха и разнообразных патологий, словно растворенных в окружающем пространстве. Пребывая в замкнутом бытийном регионе наличного существования, начисто отрезав самого себя от трансцендентного стремления, «обычный» человек стремится к усредненной нормальности, «нормальной жизни», на деле насквозь патологичной в своей серости, приземленности, усредненности; высокое отвергается и изгоняется, автоматически заменяясь низким, влекущим за собой инфрауровневое — таков примерный механизм погружения обывательской когнитивной хронологии в патологическую среду обыденной нормальности: «Где вещи-то? Ой, бабушки! Куда Настенька-то запропала? Вон, кажись, она! Нет, не она! А нет — она...» [9, с. 78] Семейная сфера частного пространства также послужила питательной средой для формирования, взращивания грубой патологии в тесном ближнем кругу семьи — замкнутом локусе, зажатые которым личностные хронотопы деформируют друг друга: «...Он возненавидел брата. Став постарше, нашел ему подходящую кличку — Опарыш. Однажды он сказал в лицо Опарышу:

— Ты — Опарыш. Слышишь, что я сказал?

Тот опешил, заморгал, оскалился, хотел щелкнуть Чёрта по затылку. Но Черт увернулся, поймал руку брата и укусил до крови» [10, с. 85]. Урбанизация окружающего топоса, его примитивизация, огрубление, отягощение, привели к синхронному результату в формировании личностной хронологии людей, никто из которых в своем существовании не мог быть свободен от социопсихопатологических проявлений: «...Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии имени В. П. Сербского отмечал свое 75-летие. Торжества длились три дня, ученые обменивались идеями, читали и обсуждали доклады, в конце, как заведено, был предусмотрен банкет. <...> Мой хороший приятель оказался участником этого мероприятия и услышал от весьма уважаемого специалиста... буквально следующее: “Даже если к нам попадет директор института, мы его всё равно разложим на составные и без диагноза не выпустим”» [8].

Одно из наиболее распространенных выражений инфрауровневого, деформирующего личностный мир-хронотоп и микрохронотоп сознания, изменяющего структуру частного и публичного пространств, — страх. Заключение и само-заключение индивида в постоянный страх — центральная особенность всякой тоталитарной параноидальной структуры, к сожалению, ставшей неотъемлемой чертой отечественной истории второй половины XX в. Страшасьего гораздо легче и проще контролировать и таковым манипулировать. Человек превращался в носителя страха путем не одного, но целого сочетанного комплекса воздействий — от фактически узаконенного террора государственного аппарата и гнета квазифрейдистских комплексов, насаждаемых и поощряемых всеми без исключения культурными и социальными институтами (детскими садами, школами, вузами, работой, армией и т. п.), до родительских, семейных, соседских пересудов, споров, слухов, сплетен, скандалов, ссор и прочих глубоко

патологических по своей сущности проявлений быта, перешедших впоследствии и в постсоветскую действительность: «Батя вчера стал заниматься воспитанием, учить доченьку жизни. Так, что пришлось спрятаться в ванной, подперев дверь шваброй. Побарабанив немного и поорав: “Убью <...>!”, родственник упал и уснул на полу» [11, с. 395]. Чувство страха, сопровождающее носителей отечественной культуры (по крайней мере, практически целого XX в.) на протяжении всего их существования, не может быть признано простым самоощущением индивида в условиях выживания в сложных социальных условиях, но выступает в качестве модуса формирования личностной хронологии. Страх перестает быть просто чувством, становится способом временения — модусом бытия личности; если страх поселился в человеке — он и есть его бытие и его мир; личностный хронотоп замещается на хронотоп страха, который засасывает в себя, словно в болото, и частное пространство, и весь жизненный путь человека, и всё публичное пространство. Окружающий мир и само время словно обволакиваются страхом, полны тревожным, мрачным, гнетущим ожиданием.

Феномен страха как экзистенциального ощущения окружающего мира, перешедшего в способ функционирования и формирования мира личности, характерно выражается в произведениях советского писателя А. П. Гайдара — человека, внешне казавшегося прямолинейным, но, по свидетельствам современников, бывшего личностью с очень чувствительной, вплоть до неуравновешенности и патологических черт, психикой. В, пожалуй, наиболее сложном гайдаровском произведении «Судьбе барабанщика» (по свидетельству самого писателя: «Проклятая “Судьба барабанщика” крепко по мне ударила» [12, с. 537]) страх присутствует всюду, исподволь, в глубине человеческого быта, сопровождает личность повсеместно; приведем из текста каждый момент, где фигурирует слово страх — оно встречается на страницах небольшой повести девять раз: «От *страха*, что много истратил, ел без аппетита, и наконец, злой, полуголодный, махнув на все рукой, мчался покупать мороженое. <...> Ложился, вставал, пробовал играть с котенком и в *страхе* чувствовал, что дома мне сегодня всё равно не усидеть. <...> У нас в доме с утра до вечера только и было слышно: щелк... щелк! Замок, звонок, опять замок. Запирали дверь, отлучаясь даже на минуту к парадному, к газетным ящикам... В *страхе*, запыхавшись, возвращались с полпути, чтобы проверить, хорошо ли закрыто. <...> Пассажиры в *страхе* бросились к окнам. <...> — Но ему уже больше не нужно, — пряча холщовую сумку за спину, в *страхе* ответил я. <...> Я ахнул и в *страхе* попятился, потому что старуха уже потянулась к своей лакированной палке, по-видимому, собираясь меня ударить. <...> Торопливо рассказал я дяде про свои *страхи*. <...> Однако дыхание у меня перехватило, и я в *страхе* уцепился за перила лестницы. <...> Кто-то быстро тронул меня за плечо. Лениво открыл я глаза и в *страхе* зажмурился снова» (курсив наш. — А. П.) [13, с. 44–45, 48, 67, 98, 101, 112–113, 126, 162].

Интересен историко-литературный факт: патопсихологические черты своего личностного мира Гайдар распространял, как правило, на центральных героев собственных произведений, коими в основном выступали подростки

12–14 лет — того возраста, когда личностный хронотоп Гайдара был деформирован в ходе Гражданской войны, в ужасы которой будущий писатель был вовлечен, будучи человеком с только еще формирующейся, неуравновешенной психикой. Патологические черты внутреннего мира сознания и чувствительность личности писателя в конечном счете привели к парадоксальному синтезу: писатель и все его герои не просто приучаются, адаптируются жить в постоянном страхе так, что вечная параноидальная боязнь становится единственно возможным модусом бытия, но начинают принимать страх в качестве имманентной, изначальной структуры собственного личностного хронотопа. Мир вне страха в таком случае становится более непредставимым и невозможным в принципе, а мир страха принимает форму экзистенциально подлинного и собственного. Это не могло не сказаться на формировании личностной и когнитивной хронотопологии миллионов детских и взрослых читателей гайдаровских произведений; культурное пространство как колоссальной мощности слой почвы вбирает в себя последствия всех временных и топологических деформаций.

В отечественной культуре (в ее высшем срезе, не относящемся к массовой культуре) с присущим ей неизбывным стремлением к обретению подлинной духовности и свету истины, о которых столь долго говорилось многими поколениями интеллигенции, внешнее патологическое воздействие повседневного бытия на человека постепенно, в процессе адаптации личностного мира к окружающему, претерпевает практически полную метаморфозу и сменяет свой регистр на внутренний. Человек настолько привыкает к агрессивной патологии внешнего пространства, что принимает ее уже как имманентную себе. Из сферы публичного пространства социального хронотопа социопсихопатология переходит во внутреннее пространство микрохронотопа сознания настолько органично — хотя и с катастрофической для личности деструкцией — что начинает восприниматься в качестве изначальной, естественной и, что самое главное, родной для человека. Получив в наследство от наличной культуры множество патологических черт, человек уже не обороняется от них, но, наоборот, начинает защищать; страх перерастает в право на страх. Интересно то, что обыватели, также являющиеся носителями патологии, не будучи склонными и, видимо, в целом категорически неспособными к рефлексии, в том числе рефлексии страха, в гораздо меньшей степени служат его выразителями, чем советская интеллигенция, боровшаяся против тоталитарного общества, но впитавшая в себя страх наибольшим образом. Право на патологию, право на страх, сформировавшиеся в людских душах XX в., — прямое и закономерное следствие замыкания, окуливания человека в себе от агрессивного внешнего окружения, от тягот выживания в отечественной действительности, эскапистского стремления интеллигента к спасению в замкнутом пространстве личностного хронотопа, сливающегося с частным пространством квартиры, которая вроде бы и считается «домом», но полноценно таковым не является. Человеку ничего не остается, как быть наедине со своим страхом, и последний становится единственным спутником индивида в деле его выживания.

Особенным в свете данных размышлений предстает финал последнего произведения Гайдара «Клятва Тимура»,

написанного в 1941 г. и незадолго до гибели самого писателя. Здесь читатель может обнаружить уникальную экзистенциальную ситуацию, которая могла сформироваться лишь в условиях трансформации обороны личности от агрессии страха в защиту своего собственного, единственного, конечного, индивидуального права на страх, который человек будет нести и сохранять всю жизнь, потому что иной сферы для спасения в бездушно/безвоздушном окружающем пространстве попросту нет. Интересующее кульминационное место в гайдаровской повести раскрывается следующим образом: Тимур с товарищами слушают записанный на пластинку голос отца Жени, соратницы Тимура; ее отец, отбывший на войну, оставляет отпрыскам последний, быть может, наказ, который звучит у Гайдара не в качестве победных реляций, но экзистенциально прочувствованного, драматического, даже трагического единственно возможного призыва ждать и держаться в условиях, когда надеяться практически не на что: «Поклянись же и ты, что ради всех нас там у себя... далеко... далеко... ты будешь жить честно, скромно, учиться хорошо, работать упорно, много. И тогда, вспоминая тебя, даже в самых тяжелых боях я буду счастлив, горд и спокоен» [14, с. 275]. Очень остро здесь ощущается экзистенциальное чувство брошенности, потерянности, неизвестности, одиночества в бытии, беспоконья в одновременном парадоксальном сочетании со спокойствием, решимостью, отчаянием, мужеством, не оставившее, по-видимому, самого писателя.

В завершение работы подведем основные итоги. Пространство и время, в которых и которыми живет человек, — живые, как и сама личность, и в равной с ней степени претерпевают метаморфозы, и положительные, и отрицательные. Облагороженное пространство облагораживает и человека, и наоборот. Время и пространство, так же, как и человек, подвержены деструкции и деформации, но не прощают их, а обратным образом возвращают человечеству в виде измененных, искривленных, ставших инфрауровневыми антивремени и антипространства отчуждения, падшести, неподлинности, несобственности. Подвергшийся пагубным деформациям, наносимых человеком в процессе его исторической эволюции, окружающий мир превращается в хронотоп страха, неизвестности, безвыходности, отчаяния, безнадежности, патологии; всё это в конечном счете возвращается человеку, превращая его личностную и социальную хронотопологию в деформированные, падшие образования.

Разумеется, возможны уход, забота, восстановление личностного и социального хронотопов, но такое попечительство должно быть участливо прежде всего по отношению к окружающему миру и всему существу. Забота о чем-то в ущерб всему окружающему, брошенному «как есть» на произвол судьбы, в истинном результате беспочвенна и не может привести ни к чему хорошему. Личностный хронотоп ни онтологически, ни экзистенциально не может быть индивидуальным, поскольку он вписан в хронотоп окружающего, неразрывен с ним. И если окружающие человека пространство и время являются искривленными, отчужденными, то и весь жизненный путь личности и всего социума будет деформированным в мире, который вроде бы общ все-му существу, но в котором люди бесконечно далеки друг от

друга и могут только держаться собственных страха, совести, чувства, вины, воспоминания: «Мне бы скорее начать работать, чем придумывать хобби искать чего-то нового, поскорее власть в эмоциональную кому, расписать свою жизнь на простые основы: любви не существует в природе — это раз, счастья в мире не бывает — это два, справедливости ты тут не найдешь — это три» [15].

1. Ухтомский А. А. Доминанта. СПб. : Питер, 2002. 448 с.
2. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М. : Языки славянских культур, 2012. 880 с.
3. Кемеров В. Е. Социальный хронотоп как проблема интеграции современного обществознания // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2007. Вып. 7. С. 109–114.
4. Азаренко С. А. Топологическое философствование: тела, знаки и социальная коммуникация // Уральская философская школа: 50 лет — 50 имен. Екатеринбург : Изд-во Уральского ин-та управления — филиала РАНХиГС, 2016. С. 147–159.
5. Березина Т. Н. Пространственно-временные особенности внутреннего мира личности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2003. 41 с.
6. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса // Собр. соч. Т. 4 (2): Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса (1965). Рабле и Гоголь (Искусство

слова и народная смеховая культура) (1940, 1970). Комментарии и приложение. М. : Языки славянских культур, 2010. С. 7–517.

7. Гиндин В. П. Психопатология в русской литературе. М. : ПЕР СЭ, 2012. 224 с.
8. Модестов Н. С. Маньяки. Слепая смерть. Хроника серийный убийств. URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/39578/Modestov_-_Man%27yaki_%26_Slepaya_smert%27__Hronika_seriiinyh_ubiiistv.html (дата обращения: 29.05.2020).
9. Антонов С. П. Аленка. М. : Советская Россия, 1975. 80 с.
10. Андрианова И. А. Мой сумасшедший папа. М. : Детская литература, 2016. 188 с.
11. Кивинов А. В. Умирать подано. СПб. : Нева ; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 1999. 448 с.
12. Гайдар А. П. Дневники // Собр. соч. : в 4 т. М. : Государственное издательство детской литературы, 1960. Т. 4. С. 520–553.
13. Гайдар А. П. Судьба барабанщика. М. : Детская литература, 2007. 183 с.
14. Гайдар А. П. Клятва Тимура // Собр. соч. : в 4 т. М. : Государственное издательство детской литературы, 1956. Т. 3. С. 233–276.
15. Алехин Е., Михайлов С. Замри и умри. URL: <https://night-loaders.livejournal.com/2551.html#cutid1> (дата обращения: 29.05.2020).

© Политов А. В., 2020

УДК 130.122
 Науч. спец. 09.00.01
 DOI: 10.36809/2309-9380-2020-28-44-48

М. В. Пырина
М. V. Pyrina

ОНТО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЛЮБВИ КАК ОДНОГО ИЗ ФОРМИРУЮЩИХ ОСНОВАНИЙ СУБЪЕКТА ПРАВА

ONTO-GNOSEOLOGICAL SIGNIFICANCE OF LOVE AS ONE OF THE FORMING FOUNDATIONS OF THE SUBJECT OF LAW

В статье исследуется онто-гносеологическое значение любви как основания, формирующего человека в его деятельности, в качестве примера взята правовая сфера. Ряд современных философов обнаруживают онтологическое и гносеологическое значение любви как способности человека обнаружить или обратить внимание на сущность другого, что выражается в уважении и признании другого. Кроме того, современные авторы на первый план выводят проблему ответственности субъекта за осознанное и рационально принятое решение о действии и высказывании субъекта. Ответственность связывается с такими способностями человека, как познание и любовь, что означает быть способным к рефлексии и оценке себя как автора поступка или высказывания, а также любовь и уважение, равнодушие в отношении другого.

Ключевые слова: бытие, право, любовь, познание, субъект права, субъект высказывания, субъект действия.

The article examines the onto-gnoseological significance of love as the foundation that forms a person in his activities. The legal sphere is taken as an example. A number of modern philosophers discover the ontological and epistemological significance of love as the ability of a person to detect or pay attention to the essence of another, which is expressed in respect and recognition of the other. In addition, modern authors bring to the fore the problem of the subject's responsibility for a conscious and rationally made decision about the subject's action and expression. Responsibility is associated with such human abilities as knowledge and love, which means being able to reflect and evaluate oneself as the author of an act or statement, as well as love and respect, indifference towards another.

Keywords: entity, law, love, cognition, subject of law, subject of utterance, subject of action.